

9 апреля 2003 [Екатерина Бирюкова](#)

Последний бой оказался успешным

Знаменитый баритон Дмитрий Хворостовский отважился выступить в не самом подходящем для серьезного оперного певца месте - Государственном Кремлевском дворце. Сначала все было как обычно на подобного рода концертах популярной классической музыки. Озлобленные старушки толкались около окошка администратора, обсуждая цены на билеты: "конечно, он из Нью-Йорка приехал, у них там пенсионеры получают больше, чем он сам". Оркестр под управлением Константина Орбеляна никак не мог попасть в такт увертюры к "Майской ночи"

Знаменитый баритон Дмитрий Хворостовский отважился выступить в не самом подходящем для серьезного оперного певца месте - Государственном Кремлевском дворце. Обозреватель "Известий" Екатерина БИРЮКОВА отправилась туда за очередной порцией музыкальных консервов, а получила - настоящее искусство. Сначала все было как обычно на подобного рода концертах популярной классической музыки. Озлобленные старушки толкались около окошка администратора, обсуждая цены на билеты: "конечно, он из Нью-Йорка приехал, у них там пенсионеры получают больше, чем он сам". Оркестр под управлением Константина Орбеляна никак не мог попасть в такт увертюры к "Майской ночи". Главный герой торжества, немудрено названный в программке "золотым баритоном

России", пел арии русских и зарубежных композиторов (в том числе свои фирменные романсы Демона из одноименной оперы Рубинштейна) с таким чудовищным микрофонным усилением, что можно было оглохнуть. И все это прорывалось сквозь ту злокачественную завесу приплюснутой кремлевской акустики, на которую наталкиваешься всякий раз, приходя сюда на встречу с прекрасным. Некоторое оживление в зале вызвало появление российско-американского хора ("Духовное возрождение" из Института имени Шнитке и любительский коллектив из Йельского университета), который внезапно, как рояль в кустах, обнаружился за поднявшимся суперзанавесом. Потом кто-то в хоре упал в обморок, и это опять вызвало оживление. В антракте публика разглядывала Николая Баскова и Олега Газманова, которые пришли послушать коллегу. Когда началось второе отделение, стало понятно, что эти ребята могут отдыхать. Хворостовский пел программу своего только что выпущенного на американской фирме "Delos" диска, который называется "Песни военных лет". Первые же такты рассеивали все сомнения в удачности этого проекта. Насколько противоестественным было первое отделение концерта, настолько же сильным и прекрасным оказалось второе. И широта оперного дыхания Хворостовского, и некоторые характерные шероховатости его дикции, и хор, приехавший из Америки подтянуть несколько русских песен, и посаженные в оркестр домра с балалайкой, и даже этот неудобный зал, продающий за большие деньги простофилям консервированную музыку, - все казалось необыкновенно трогательным, простым и точным. Оказалось, нет ничего естественнее, чтобы главный Демон русской оперы, тревожащий на лучших сценах мира девичий сон княжны Тамары, пропел "что ж ты бродишь всю ночь одиноко, что ж ты девушкам спать не даешь?" Программа Хворостовского составлена из лучших военных песен, всеми любимых и до сих пор востребованных - их востребованность нетрудно было почувствовать по реакции зала, встречавшего счастливыми аплодисментами каждое верно угаданное оркестровое вступление и под конец устроившего стоячую овацию. Здесь есть, конечно, и "Темная ночь", и "Дороги", и "Журавли", и "Катюша", и "На сопках Маньчжурии", которые, пожалуй, у Хворостовского являются одним из лучших номеров программы. Отсутствуют "День Победы" и "Священная война" -- наверняка, это сознательное решение. Песни войны в трактовке Хворостовского - это песни, лишенные какого бы то ни было официоза. Это целый богатейший пласт чудесной лирики, прорвавшейся в связи с военными послаблениями сквозь марши советских пятилеток и ждавшей своего часа в новое постсоветское время. Партийная отстраненность Кобзона для этой лирики уже устарела, попсовое кривлянье, расцветшее буйным цветом на недавно вышедшем диске "Песни Победы" (где участвуют Витас, Лолита и группа "Отпетые мошенники"), - все обесценивает, постмодернистская рефлексия (аранжировки Леонида Десятникова из саундтрека к фильму "Москва") - никак не годится для зала на 6000 человек. Хворостовский же нашел какую-то очень правильную интонацию, одновременно строгую и личную. Уж не говоря о том, что всегда приятно послушать хорошую песню, исполненную богатым, красивым голосом, еще приятнее не услышать в ней ни одного фальшивого, пустого, стыдного или смешного слова. Уж не знаю, как это получается у Хворостовского, но когда он поет "а я в Россию, домой хочу", меньше всего вспоминаешь, что он и вправду из Нью-Йорка приехал, где пенсионеры, не в пример нашим, получают хорошие деньги и могут позволить себе сходить на его концерт.